

Сварщик без прошлого: путь самурая

Независимая сд. 2002. 24 мая - 1.8

В Каннах образовался второй хит – фильм Аки Каурисмяки

Антон Мазуров
Канны

Человек с богатейшим кинематографическим прошлым. Талантливый и плодотворный режиссер. Друг Джима Джармуша и Вима Вендерса. Брат своего не менее знаменитого брата режиссера Мики. Самый редкий участник Каннского конкурса из давно и навсегда признанных мастеров мирового кино. Хулиган и пьяница. Энтузиаст финского кинематографа. Аки Каурисмяки.

Он танцует по Каннской лестнице, во всю ею длину, рок-н-ролл, а за ним слегка приплясывает неизменная Кирси Тюккляйнен, министр финской кинематографии, его актриса. Он курит на лестнице и демонстрирует фотографам, как лихо может забросить в рот сигарету – фирменная привычка, высмотренная в фильмах «новой волны» у любимого актера Жан-Пьера Лео. Он без галстука и без бабочки. Он клал с прибором на буржуазные традиции и напыщенную торжественность. Он пьян, и Жиль Жакоб по-отечески треплет его по затылку. Он представлял свой фильм «Человек без прошлого» (The Man Without A Past), где одну из главных ролей играет его жена Кати Оутинен. Его фильм пришел посмотреть седовласый друг Джим.

Совершенный образец авторского минимализма, отточенный в простых и грустных пролетарских историях. Ни

лишнего слова, ни лишнего движения. Грустная финская песня вовремя и неизменный рок-н-ролл. Обаяние театральных мизансцен 50-х годов.

Некий человек едет на поезде. Прибывает в Хельсинки. Сидит на лавочке у вокзала. Сзади подходят трое. С бейсбольной битой. Ударяют по голове. Он падает без сознания. Его грабят. Потрошат карманы и чемодан. Находят огромную черную маску. Одевают на окровавленное лицо. Бросают сверху раскрывшийся, как крылья бабочки, чемодан. Он лежит в маске. Наверное он – сварщик.

Память отшибли бейсбольной битой. Лицо и руки забинтованы. Перед нами – знакомый образ человека-невидимки. Он умирает. Врачи покидают палату. Пациент «ушел». Но он вдруг оживает и действительно уходит. В новую жизнь.

Он не помнит ни своего имени, ни профессии. Он превращается в человека без прошлого. И начинает с нуля. Ищет работу, сажает картошку, встречает женщину из «Армии спасения». Влюбляется. Это – взаимно.

Каурисмяки снял кристально чистый и смешной фильм. Тончайшими нитями зарифмовав его с последним фильмом старого друга Джима. Перед нами новый «Путь самурая». Аки не изменил ни одному принципу своей эстетики. Вместо «Хагакуре» – парадоксальная религиозная мудрость персонажа старого «Ленинградского ковбоя» Куосманена, потерявшего с возрастом свои немые космы. Ирония и рифмы с собственными фильмами. Портрет покойного актера-талисмана

Горячий финский парень Аки Каурисмяки.

Фото Reuters

Матти Пеллонпя на стене в баре. Старый усатый Эско Никкари – каурисмяковский Порфирий Петрович из его современной пролетарской версии «Преступления и наказания», только теперь он не расследует убийство процентщика, а сам грабит банк из высоких соображений: «Надо отдавать свой долг. Я с Севера. А мы платим свои долги». Вместо хип-хоповских причитаний – грустные финские песни и перепетые архаичными ВИА рок-н-роллы. В финале – сварщик уходит в вечность. Со

своей новой подругой. Трое с битой появляются опять. Но они уже бессильны. Прошлое и настоящее сварено намертво одним аккуратным профессиональным швом.

Десятиминутная овация в зале. Жакоб не отпускает смущенного Аки. Тот – то одевает, то снимает галстук. Пытается уйти. Все это по традиции транслируется на огромные экраны – в зале, на улице, по каналам каннского фестивального кабельного телевидения.

Это – успех. Болею за Аки. ■